

Виктор Балдоржиев

Время и фриланс

Будь свободным всегда!

Виктор Baldorzhiev

Время и фриланс

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Baldorzhiev B.

Время и фриланс / В. Baldorzhiev — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11807-2

Это рассказ о том, как стал и до сего дня работаю фрилансером. На мой взгляд, стать фрилансером практически невозможно. Им надо родиться. Не у каждого человека с рождения имеется состояние свободного полёта. Для одних – это несчастье на всю жизнь, для других – естественное состояние, которое отличает его от остальных. Фрилансер – знак вопроса в толпе восклицательных знаков, становящееся летящим копьё, поражающее точно в цель. Это не удел, это – судьба!

ISBN 978-5-532-11807-2

© Baldorzhiev B., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Время и фриланс	5
Три момента в моей судьбе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Время и фриланс

Это рассказ о том, как стал и до сего дня работаю фрилансером. На мой взгляд, стать фрилансером, практически невозможно. Им надо родиться. Не у каждого человека с рождением имеется состояние свободного человека. Для одних – это несчастье на всю жизнь, для других – естественное состояние, которое отличает его от остальных. Фрилансер – знак вопроса в толпе восклицательных знаков, становящееся летящим копьё поражающим точно в цель. Это не удел, это – судьба!

Три момента в моей судьбе

Во-первых, фрилансер – это свободное копьё, наёмный воин и только после этого свободный художник. Такая расстановка акцентов более соответствует профессии и точнее расставляет акценты.

Во-вторых, фриланс в моей судьбе – порождение расовых проблем и национальной политики государства, в нашем случае СССР. Тут нет ничего удивительного, это естественные процессы, которые были и всегда будут там, где обитает не вполне развитая часть человечества.

В-третьих, фриланс, видимо, был и стал моей судьбой почти сорок пять лет тому назад. Для того, чтобы начать цикл «Фриланс и время», предложенный мной сообществу «vr-freelancer», я должен объяснить все перечисленные моменты.

Слово впервые применил Вальтер Скотт в романе «Айвенго». Перевод слова *lancer*, конечно, не художник, тем более не журналист. Это – копьё, воин, рыцарь, кавалерист, улан. Значений много. Свободный и наёмный исполнитель чужих замыслов. В наше время, некоторые фрилансеры – это вообще свободные художники, которые сами предлагают и исполняют замыслы. Во многих случаях они сами предлагают и продают свои тексты.

Таким человеком я и должен был стать с детства. Почему?

Родился и вырос я в русско-украинской среде, по национальности – бурят-монгол. Не бурят, а именно бурят-монгол, ибо в 1954 году, когда я родился, была ещё Бурят-Монголия, просто Бурятией республика стала в июле 1958 года. И дело даже не в том, что я никогда не жил в национальных округах или республиках, а в том, что я считаю себя русским бурят-монголом. По языку, месту рождения и менталитету.

Жили мы у самой монгольской границы. С малых лет я говорил на русско-украинском языке, видимо, суржике, бурятским языком овладел позже, когда попал в среду своих родственников. О том, кто, как и когда меня и моё поколение учил языкам, можно прочитать в материале «Судьба человека...» в моем блоге.

О никаких расовых или национальных проблемах я никогда не знал и даже не чувствовал их. Бытовое невежество, приводящее к ссорам и дракам, можно вообще не считать национальной враждой. Среда у нас была одна – Союз Советских Социалистических Республик, где все, кто был знаком со мной, считали меня русскоязычным поэтом и прозаиком.

Стихи и рассказы я писал с младших классов.

Отслужив срочную службу в июне 1975 года, я подал документы на филологическое отделение педагогического института. И к своему удивлению узнал, что нерусские ребята, живущие в национальных образованиях, при вступлении в ВУЗы пишут диктанты, а все остальные, в число которых входил и я, – сочинения. Никогда не интересовавшийся национальными вопросами, я был потрясен таким неравенством.

Конечно, я писал на русском языке лучше всех своих сверстников, побеждал на многих конкурсах, уже публиковался в какой-то периодике. И никогда не думал о том, что кому-то предназначено писать диктанты, а кто-то обязан заниматься сочинением. В этом вопросе для меня все люди были равными. Но оказалось, что это совсем не так. Оказалось, что большая часть моих сверстников и земляков очень плохо знает русский язык, что государство буквально «тянет» их чёрт знает куда. «Халява», которую давало государство нерусским народам никогда не приведёт к знаниям, образованию и культуре. Тогда у меня впервые зародилась мысль, что национальные образования из территорий сохранения самобытности народов становятся территориями задержки развития человека... Но кто бы понял тогда и поймёт сейчас эту «преступную» мысль?

Я всегда считал, что никого не надо учить. Кто захочет, тот всегда научится. А тут учили и заставляли учиться. И давали за это дипломы. Но многие из обучаемых не могли написать даже диктанта.

Этот факт стал моим первым шагом к фрилансу.

Очень быстро я стал писать диктанты за своих земляков, якутов, тувинцев, бурят. И почти всегда получал отличные оценки. Появились первые заработки.

Ещё через полтора года мне разрешили свободное посещение в институте, к этому времени я работал в многотиражке, получал зарплату. И азартно занимался фрилансом: писал курсовые, рефераты. Теперь уже не только за нерусских сверстников, а за всех, кто заказывал. Дело не в том, что жадничал и зарабатывал деньги, а в том, что я жадно познавал и наполнял себя информацией, занимался литературой, историей, другими науками. Непрерывно, днями и ночами. Деньги, конечно, платили. Но, кроме того, имея свободное посещение, выпуская газету, я ещё работал в речном порту, где ночами, в каюте какого-нибудь судна, обложенный книгами, размышлял над очередным рефератом. А иногда, озаренный какой-то вспышкой или лунной дорожкой на волнах Амура, лихорадочно набрасывал стихи.

Три момента, о которых написал в начале, не только определили мою судьбу, они корректировали и направляли меня всю жизнь: свобода выбора, отсутствие предрассудков, следование призванию. Ничем иным, кроме литературного, а иногда физического, труда, на хлеб насущный я не зарабатывал.

В 1977 году я был занят неологизмами в творчестве современных поэтов, а фриланс мой поднялся до уровня кандидатской диссертации. И тут надо было решать...

В первом посте я допустил бестактность, вернее – оплошность, написав о не вполне развитой части человечества. Извиняюсь и исправляю: человечество никогда не будет вполне развитым. Не зря говорится, если бросить пить, то, как потом жить без мечты?

Итак, я остановился на моём фрилансе образца 1977 года, когда я делал работу уровня кандидатской диссертации. И надо было решать проблему.

(Попутно о мастерство: видите в предложении два «у» – работу уровня? Таких сочетаний фонем желательно не допускать. А вот три «и» – извиняюсь и исправлю, возможно, звучат симпатично, к тому же «ь» усиливает извинение). Вообще, звуки, буквы, слова, предложения надо перекачивать во рту, на языке. Это мои личные наблюдения.

Проблема заключалась в свободном посещении занятий. Есть такой вариант обучения. Для этого нужны два условия: студент должен быть отличником и писать научную работу. Первым я был, это не трудно, но обязывает, ибо человеку прививают «звёздную болезнь и вирус пятёрки». Состояние для меня мучительное. Никому не рекомендую. Для того, чтобы показать в ректорате свою научную работу и получить долгожданное свободное посещение занятий, я отказал заказчику, а начатую работу предоставил в ректорат. Так я стал свободным студентом, что очень быстро испортило меня: не стало главного – системности.

Естественно, работу заказчика я переделал, сдал, помог найти ему оппонентов, он защитился. А я бросил учёбу и отправился в своё первое «автономное плавание» в океане жизни, думая попасть на Сахалин, где можно было заработать во время путины.

Но мой приятель Сергей К, писавший неплохие стихи и учившийся заочно на истфаке, звал меня учительствовать в деревню. Почему-то он был уверен в моём «большом» будущем, а я вообще не думал об этом. Уверенность его подкрепили поэты и прозаики, которым понравились мои стихи на каком-то творческом вечере. В те годы практиковались выезды писательских бригад и литературные мероприятия. У нас были «Огни БАМа». В памяти моей остались фамилии – Виктор Коротаяев, Виктор Вучетич, Ольшанский (не помню имени, по-моему, писателей с такой фамилией несколько).

Отец Сергея К. был кандидатом филологических наук и тоже был уверен в моём будущем, которого я даже не представлял.

Сергей договорился в РОНО одного из районов, и мы с ним стали воспитателями в живописном пионерском лагере, куда, кстати, приехали на практику некоторые мои однокурсники, которые передали мне, что в ректорате и деканате весьма озабочены моим будущим. Но почему меня не беспокоило моё будущее? Более всего меня тревожило отсутствие системы, из которой добровольно выпал. А потому я обязан был создать для себя собственную систему образования, которая рано или поздно выработает свой метод. А метод – это всё. Такая мечта была главнее дум о будущем...

Осенью мы отправились в школу. 1 сентября 1978 года запомнилось мне тем, что «сельская интеллигенция» и колхозное начальство обильно выпивали в колхозной столовой и желали самим себе успешного учебного года и трудовых успехов. Это были симпатичные и хорошие люди. Но именно с той поры я понял, что даже маленький коллектив делится на несколько противоборствующих групп. Всякий талант должен избегать коллектива, если только он не самоубийца.

Вернёмся к расовым и национальным вопросам, решение которых зависит от места проживания. Сергей К. был женат на моей землячке, Саше, в которой явно проглядывали монголоидные черты её предков. Была она конопатой, весёлой и симпатичной девушкой. Но русской она могла быть в родном Забайкалье, а в полу-украинском селе Сашу считали моей родной сестрой, буряткой, каковой, наверное, и была её далёкая прародительница. На известном нам расстоянии, километров на триста во все стороны, не было ни одного нерусского человека. И ни одного враждебного взгляда на этом пространстве мы не заметили, кроме обыкновенного любопытства, присущего всем людям. Владимир Ильич Ленин, как всегда, прав: по части русскости пересаливают нерусские люди, на определённом этапе истории оказавшиеся русскими. Ведь «русский» – не только национальность, но и определение, приложение, причастие, прилагательное.

В общем, я стал учителем русского языка и литературы, попутно ещё каких-то предметов, ибо в сельской школе никогда не хватает учителей.

Далее выяснилось, что более половины «сельской интеллигенции» и колхозного начальства учатся на заочных отделениях в разных учебных заведениях. Можно было брать заказы и зарабатывать. Темы были разные, культура, образование, мелиорация, но превалировало сельское хозяйство.

Я выпросил в сельском Совете старую печатную машинку, без которой жизнь представлялась бессмысленной. Дело в том, что в армии меня обучили слепому буквопечатанию. По этой причине у меня развита мышечная память до такой степени, что ночью, на ощупь, могу положить пальцы на клавиатуру и начать печатать. Это огромное достижение для умственной работы. К тому же система букв дисциплинирует и обязывает мыслить направленно.

Проверяя по ночам ученические тетради, просиживая над курсовыми и рефератами заказчиков, описывая свои представления и перерабатывая тексты, я думал, что такие работы надо не только писать, но и выпускать их в периодике и книгах. Это должно понравиться заказчику!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.